

Одно из самых существенных качеств актера (не взамен и не в ущерб другим) — контактность. От симпатичной общительности до умения молча и терпеливо тебя выслушать.

Последнее встречается особенно редко и, как правило, у больших мастеров. Тайна человеческой зрелости — через себя к людям, через людей — к себе. Она хорошо ведома Армену Борисовичу Джигарханяну.

Я не случайно пригласил к разговору о «таланте общения» именно Армена Джигарханяна. В спектакле «Беседы с Сократом» он исполнил главную роль. Он воплотил на сцене образ «великого собеседника». И наша встреча с ним — как бы «беседы после Сократа», вернее, разговор после спектакля о Сократе, человеке, который умел выслушать и понять другого, чтобы помочь этому другому.

— Армен Борисович, по роду своей профессии мне пришлось постоянно общаться с незнакомыми людьми. И с годами сложилось впечатление, что кое-кого я заранее «предвижу»: как, зачем и почему он мне будет излагать свою заботу. И частенько именно так и бывает. Все-таки накоплен опыт «контактов».

Но при этом точно знаю, что, даже поняв главное, я могу упустить нюансы. Актер же три часа живет жизнью персонажа. А образ ведь складывается именно из нюансов. Это уже образ-ткань. Журналист может себе позволить дидактику (что нежелательно). Для актера это провал.

— Чтобы сделать вопрос более «выпуклым», вы, конечно, несколько наговорили на себя. При всей вашей «прозорливости» все-таки каждый человек — это новые ощущения, а не только нюансы. Есть постепенность восприятия. Нам, актерам, как ни странно, труднее. Мы получаем готовый образ вместе с написанным текстом. То есть уже зафиксированный персонаж. И нам приходится как бы возвращаться вспять — поднимать свой накопленный опыт общения с людьми. Иначе никакая роль не состоится, образ не оживет.

Впрочем, я не верю в актеров, лишь наблюдающих ради профессии жизнь. Путь есть один — только «через себя». Иначе наберешься «нюансов», но упустишь, не поймешь именно главное — с мук, с содроганием, с постижением.

Сократ говорил: у меня нет учеников, есть беседующие. Я хотел бы подчеркнуть провозглашенную им демократичность общения, то есть потребность друг в друге, уважительное отношение друг к другу как к огромной ценности. «Учитель —

тот человек, который умеет, презрев свои знания, опуститься до незнания ученика и вместе с ним подниматься к вершинам знаний». Это, конечно, Сократ. Высшая скромность мудрости.

— Вы тоже готовы чувствовать себя учеником?

— А вы поверите, если скажу — да? Не поверите. И правильно сделаете. Но все не так просто. У меня за плечами уже немалый опыт. И все-таки...

Меня не раз приглашали преподавать в институте. Но я отказывался. Я боюсь, став «учителем», наловчиться говорить, но потерять способность слышать. Я не решаюсь кому-то сказать — делай так.

Да не прозвучит это нескромно, я хочу быть, а не казаться. Я хочу быть постигающим, а не казаться им (хотя бы самому себе). Есть умение слушать, а есть умение слышать. Вежливое внимание — это еще не отдача себя собеседнику.

Как-то в Москве на гастролях был известный зарубежный армянский певец. Собралась в честь него «светская» компания. Он начал говорить по-французски (с переводчицей). Все — само внимание. Глаза почти-точно уставились на знаменитость. Ни одна ложечка, ни одна вилочка не звякнет. Полное благоговение. Внемяют! Вару он остановился и озадаченно сказал мне через стол по-армянски: «Они меня не слушают».

Есть внимательность к человеку подлинная, а есть формальная, когда ты занят не собеседником, а собственной персоной. Мне очень хочется сыграть Тригорина в «Чайке». Я совершенно уверен, что никаких в нем творческих мук не было. Игра! Любование собой. Желание производить впечатление. С таким, наверное, можно много и занимательно бесе-

довать. Но в этот момент его интересуете отнюдь не вы, а впечатление, которое он на вас производит.

— Вернемся к актеру, задержав внимание на том, что вы только что сказали. Ведь он выходит на сцену, чтобы именно производить впечатление, если угодно, чтобы нравиться. По отношению к зрителям он вроде бы не собеседник, а «производитель монолога».

— Это особая категория общения. Я как-то спросил у Гарри Каспарова: «Ты слышишь зал, когда играешь?» «Нет», — ответил он. Между прочим, общение с Каспаровым — это чрезвычайно интересно. Но в минуты, когда он творит свое искусство, он весь в нем.

Да, я выхожу на сцену покорять зрителя. Это высокая категория контакта: я хочу вам сказать. Но для меня важно не «я», а «вам», я поглощен не собой, а зрителем. Это монолог по форме, а по сути диалог.

Я как-то был в гостях у Мартироса Сарьяна. Он долго говорил. Один. Все мы молчали. Но у меня было ощущение, что это не просто он говорит и даже что это не мне он говорит. А что это мы с ним говорим. Монолог по форме и диалог по сути. Возможно, я путанно выражаюсь, но я очень хорошо помню это ощущение. Непостижимое умение обратиться к человеку.

— Да, это нечто большее, чем просто культура общения. Но уж коль слово сказано — культура общения...

Иной раз обратиться на улице к прохожему в вопросе, а он даже не остановится. Или остановится, но реагирует на тебя как на назойливую помеху.

— Хотите упростить разговор до очевидных истин? Чтобы читателю было доступнее и понятнее? Отчего ж вы не до-

веряете читателю? Не надо «упрощать». То, о чем вы говорите, это уже не из сферы культуры общения, а просто плохое отношение к человеку.

— Мне кажется, вы этот бесхитрый пример недооцениваете. К тебе обратился человек. И все, в это мгновение никого в мире, кроме него, для тебя нет, не должно быть. Сейчас ты обязан принадлежать только ему. К тебе обратился ЧЕЛОВЕК.

— А вы правы! Да, вы правы. Неправ я. Сработала инерция сниходящего отношения к мелким обидам, к «малому неконтакту».

Встречается в актерах некая избалованность популярностью, поддаваться которой ни в коем случае нельзя. Себе же в ущерб. Как-то я ехал электричкой из Калинин со съемок. И ко мне подсел молодой мужчина. Я совсем не был расположен к общению и решил вежливо «отшить». К счастью, раздумал.

Это оказался интереснейший человек. Настолько проникновенный, что я даже стал ему о своих бедах рассказывать. А вот не «снизойди» я, как многого бы не узнал об этом человеке, от этого человека. Я не говорю, что общение с ним тут же пригодилось мне в какой-то моей роли. Но оно «пригодилось» мне как человеку. Актер начинается с этого — душа накапливает. Даже трудно представить, сколько людей на всем моем жизненном пути вели меня в таких ролях, как, скажем, Левинсон в «Разгроме», Сократ.

А иногда помощь идет впрямую. Недавно я снимался в фильме «Трое на шоссе». И уже «корыстно» обшарил с шоферами-рейсовиками. Какие люди! Гриммера, готовя меня к съемкам, перво-наперво напустила мне под ногти черноту. Как я захохотал! Рейсовики — это изысканные люди. Они знают цену пути. Спокойны, чуты — на всякий случай — небрежны. И благосклонно уважительны. Когда один из них мне сказал: «Борисыч, хорошо за рулем сидишь», я весь растаял.

Вот я и хочу сказать: общаясь с человеком, надо понимать, что перед тобой личность. А если это окажется не так, то ведь и в «неличности» есть немалый интерес. Но Другой.

С «неличностью» надо вступать в борьбу. Я как-то перед началом спектакля выпянул в «глазок» занавеса. И вижу в первом ряду «джинсовую» па-

ру. Нога на ногу, что-то жуят. Пришли небрежно провести время. Как яростно я играл им в этот вечер Сократа! Я говорил со сцены прямо этим двум. Сократ им был не нужен? Я опережал их неприятие Сократа... Не знаю, что они поняли, но жевать перестали...

— Для актера контакт не только во взаимном общении, но и в жажде сказать. Я был в Ташкенте, а вечером — «Сократ» в Москве. Самолет не вылетел. А я уже не мог себя остановить. И вечером сыграл в гостиничном номере друзьям весь спектакль. Стороннему это может показаться бравадой. А актер меня поймет.

— Но ведь контакт — это не просто талант говорить и талант слушать. Вы не обращали внимания вот на такой «феномен»? Беседа с человеком, ты иногда как бы ищешь в нем своего «двойника», повторя своей сути, собой вытесняешь его. Это нечто иное, чем лишь неумение слушать. Бой с собственной тенью?

— Это, правда, говорит и об активности природы. Но в результате получается корыстная полезность: и себя впопыхах толком не выразил, и от человека не напитался. Надо уметь освободиться от «двойника» в себе и тогда обретешь человека. Пренебрежь собой и растворись в мире, и наступит тогда понимание... Возможно...

Но вот Уильям Сароян говорил: «Истинным творчеством можно заниматься только в одиночку. Никакая дополнительная информация не обогащает тебя... Но это чревато тем, что умрешь в одиночестве». Правда, говорилось это в глубокой старости. И умер он в больнице, одинокий. Возможно, мы все были ему уже не нужны. А может быть, какая-то внутренняя трагедия, о которой мы не ведаем... Нет, это его суждение я пока не понимаю. Я не предчувствую в себе опыта, который мог бы обрести без великодушной помощи людей.

— А вам не кажется, что иногда «знание» — это лишь штампованное впечатление? Что вырабатывается иной раз стереотип восприятия лишь внешне сходных событий. У тебя уже есть заранее на все как бы готовый «рецепт».

— О, беда! Не случайно маститые актеры ищут в себе свежую детскость восприятия, способность удивляться и жаждать понять.

Актеров подчас упрекают в «штампах». А в жизни, я вам скажу, гораздо больше «штам-

пов», чем в искусстве. Вырабатываются именно, как вы сказали, стереотипы. А отсюда готовое мнение, готовые пошутки, приспособление к своим слабостям и слабостям других. Эдакое стремление к самосохранению. Непривычное, непонятное будоражит, утомляет. В чем «прелесть» усредненной западной кинопродукции: немного поугаюют, немного разволнуют, а потом успокоят, чтобы ты ушел непотревоженный и веселенький. Как только искусство перестает быть мудрым собеседником, оно теряет смысл.

— И при этом западное искусство занимает какое-то стороннее отношение к человеку и подчас очень жестоко: мы (кинематографисты) про них (про людей). Вот так разглядывают в микроскоп микробов.

Наше искусство в сути своей человеечно. В нем естественная потребность и радоваться человеку, и сострадать ему. Я никогда не перестану носить в сердце «Балладу о солдате». Правда, «Баллада...» — это шедевр.

Иной раз уйдешь с нашего фильма и с досадой вспоминаешь его несовершенство. И тем не менее ловишь себя на том, что даже в этом, отнюдь не сильном фильме твою душу зацепила судьба его героя.

— Мы, конечно, не собираемся с вами умиляться средненьким фильмам. Но «зерно» в ваших словах есть.

Иной раз роль действительно выписана не сильно. Автору ведь не навяжешь меру таланта. Но он достоин уважения за свое стремление соучаствовать в судьбе человека, разделить ее с ним, поговорить с ним. А актера уважение к цели делает все сильнее. Все начинается с того, что я вхожу в мир моего героя. Главное даже не то, какие слова он будет говорить, а то, что это он будет говорить. Органичность слияния с героем.

И я совершенно уверен, что органичность человека начинается с собеседования с природой, с миром, в который он пришел. Мы все-таки иногда относимся к природе лишь как туристы. Прогулки на свежем воздухе.

Я очень хорошо помню, как первый раз увидел тайгу... Я не знаю, что во мне тогда произошло. Но что-то очень важное.

Природа требует от человека истинности взаимоотношений... Одному художнику надо было нарисовать зайца для оформления детской книги. А зайца под рукой, естественно,

не оказалось. И он взял в «натурщику» кролика. Лишь потом он увидел в зоопарке зайца. Долго его разглядывал, а потом смущенно пробормотал: «Да, заяц — это серьезно». В искусстве очень важно — не путать зайца с кроликом. Это только кажется, что они похожи. Кажется тому, кто не может или не хочет видеть.

Ты решился понять вот этого конкретного человека? Есть только один путь — принадлежи этому человеку.

— Вы сказали, что природа требует от человека истинности взаимоотношений. Признаться, меня с самого детства озадачивает вид гербария. Я совершенно не могу совместить вот эти засушенные особи с первоисточником.

Иногда и люди подобно ощущение вызывают. Иной собеседник на меня напускает какие-то засушенные многозначительные мысли. Поерзаешь, поерзаешь, а потом понимаешь, что он просто мудрит. Много дыма из ничего. Очень иные любят говорить подтекстом. А под текстом ничего нет.

— Они были так «умны», что с трудом понимали друг друга? Я от этих бегаю. Пустая трата времени — «сложняки». Простят стакан чая, а в действительности подразумевают кофе. И в других ищут «сложности», упуская простое главное.

Как-то Аветика Исаакяна попросили в застолье: «Варлет, скажите слово!». Великий старик посмотрел на красное вино в бокале и сказал: «Какой красивый цвет». И парочка рядом со мной зашумукалась, «расшифровывая» друг другу, что имелось в виду. Очень что-то сложное они обнаружили. А старый человек просто порадовался жизни и величию этого животворного цвета. Мастер прожил с нами счастье взаимного мгновения.

— Счастье взаимного мгновения!

Знаете, с годами я все больше убеждаюсь, что самая бесценная радость — это очень хорошее люди. И нет большего богатства, чем их доброе отношение к тебе, их соучастие, их терпимость. И твоя счастливая потребность в них.

— Помните, у Маркеса, когда сын навсегда уходит, он спрашивает мать: «Что ты мне хочешь сказать?» И она ответила: «Хотя бы запомни, какими мы были в этот вечер».

Давайте мы все запомним друг друга.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.

Фото В. Кузнецова.

СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

19 МАЯ 1994